

ПРОКРЕАЦИЯ, ПЛЮРАЛЬНОСТЬ ЭРОТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Автор: С. И. ГОЛОД

ГОЛОД Сергей Исаевич - доктор философских наук, профессор социологического факультета Санкт-Петербургского университета.

Одно из событий, радикально повлиявшее на изменение качества семейных отношений, - это автономизация брачности, сексуальности (эротизма) и прокреации¹. В научном плане становится все более очевидным, что явления в брачной, сексуальной и репродуктивной сферах, вскрытые во второй половине XX столетия, уже не могут интерпретироваться однозначно как отклонения от нормы, а должны, скорее, рассматриваться как признак существенных и необратимых трансформационных сдвигов в самом институте семьи. Таковы тенденции к снижению рождаемости, малодетности и сознательной бездетности, характерные для индустриально развитых стран, в число которых входит и Россия.

В одном отечественном исследовании конца XIX века, читаем: "Цель брака - христианское рождение и воспитание детей, половой инстинкт признается нечестивым, удовлетворение его ради одного удовольствия - смертельный грех; поэтому целью брака религия ставит рождение и воспитание добрых христиан, освящая плотский и сам по себе греховный союз благодатью таинства" [30, с. 141]. Всю эру существования обозначенного типа семьи акцент делался на исключительную инициативу мужа. Согласно Плутарху, замужняя женщина не должна в своей повседневной жизни уклоняться от физической близости с мужем, но и сама не должна напрашиваться [22, с. 351].

К нарушителям отмеченных традиций применялись различные по жесткости санкции. Н. Пушкарева, которая провела сравнительный анализ семьи и сексуальной морали в православии и католицизме, показала, что в первом наказании за несохранение девственности до оформления обряда замужества, различные приемы наслаждения супружеской эротикой и прелюбодеяния были, не столь суровы, как во втором. Здесь санкции ограничивались по преимуществу определенным числом постов (от нескольких дней до двух лет), многочисленными поклонами, чистосердечным раскаянием и покаянием. Одновременно, как признает этнолог, несмотря на относительную мягкость, православие тоже требовало от прихожан сохранения непорочности, умерения страстей, разумных ограничений в супружеской сексуальной жизни, недопустимости адюльтера [23, с. 55 - 59].

Мы не погрешим против истины, если выскажем гипотезу о том, что нормативные социокультурные требования и реальные практики в европейском докапиталистическом обществе в большей или меньшей степени не совпадали друг с другом. Еще древнегреческий законодатель Солон (VI в. до н.э.) открыл в Афинах первые доктерионы². Они, в

Данная работа выполнена в рамках проекта РФФИ "Трансформация российской семьи в условиях глобализации: теоретическое и экспериментальное моделирование процессов", грант (N 07 - 06 - 00 - 271).

¹ Procreation (лат.) - рождаемость, произведение на свет.

² Доктерионы - муниципальные дома терпимости, находящиеся под контролем государственной власти (БСЭ, 1-е изд., т. 47, с. 331).

принципе, задумывались как семейно-охранительные институты, дабы неженатые мужчины-мигранты, не могущие содержать наложниц, не устанавливали контактов с замужними женщинами коренного этноса. В то же время исключить вероятность посещения этих заведений, обладающих, между прочим, экстерриториальностью, женатыми мужчинами вряд ли было возможно (вот где истоки "двойной" морали) [см. об этом подробнее: 9, с. 188]. К этому же периоду относится возникновение гетеризма как одной из разновидностей экспрессивной связи вне института семьи. Свидетельством наличия внебрачной сексуальности и деторождения также служит конкубинат. Хотя ни первое, ни второе не имели широкого распространения, они тем не менее подвергались правовым, моральным, а впоследствии, с зарождением христианства, и религиозным санкциям.

Положение дел не менялось и в дальнейшем. Так, например, в Риме эдилы беспрепятственно выдавали *licentia stupri*, т.е. лицензию на право заниматься проституцией. Женщина, обладавшая такой грамотой, относилась к той части населения - наряду с рабынями, актрисами, лицами, осужденными за адюльтер или другое правонарушение, - с которой свободный римлянин мог вступить в сексуальные отношения без каких-либо правовых последствий, но при этом законный брак с ним был невозможен.

Достоверно известно, что нормы - рамки в большей мере нарушались в таком союзе мужчинами. Эту мысль изысканно артикулировали французы. В нашем обществе, говорили они, обладать вне брака женщиной - величайшая честь, какой только может гордиться мужчина, но, с другой стороны, отдаться вне брака мужчине - худший позор для женщины. Право же, в этом вопросе "сильный пол" проявлял откровенную наивность. В реальных обстоятельствах француженку, по меньшей мере, со времен средневековья, никакая опасность не останавливала, напротив, она делала игру более пикантной и азартной³. По утверждению Симоны де Бовуар: "<...> выйти замуж - это вроде обязанности, а вот иметь любовника - это роскошь, шик <...> У любовника есть <...> преимущество, его престиж не теряется в повседневной жизни, полной различных трений <...> Его нет рядом, он совсем не такой, как тот, что рядом, он - другой. И у женщины при встрече с ним возникает впечатление, что она выходит за свои пределы, получает доступ к новым ценностям" [2, с. 623 - 624].

Несмотря на наличие отдельных нетрадиционных поступков, разветвленность санкций поддерживала в общественном сознании представление о брачности и брачной рождаемости как социальной норме. И в самом деле, в России вплоть до конца XIX века браки были всеобщими: к возрасту 45^49 лет лишь 4% мужчин и 5% женщин оставались соответственно неженатыми и незамужними [см.: 4, с. 108]. Стало быть, можно с большой вероятностью утверждать, что институт брака со времен Римской империи [14, с. 3] обладал *монополией* (курсив мой - С. Г.) на регулирование сексуальных отношений и воспроизводство детей. Отсюда человек "традиционной" эпохи, не состоявший в браке или не имеющий детей, ощущал свою ущербность.

* * *

Перемены, происходящие с семьей (и в семье) во второй половине XX века, рельефно обрисовал американский специалист в области социологии семьи Рубен Хилл: "С утратой семьей своей функции как экономической производящей единицы и включением молодых людей в сложную внесемейную профессиональную структуру молодая семья получает не только жилищную и профессиональную автономию, но также и автономию в своих решениях в сфере воспроизводства. Как вертикальные, так и горизонтальные связи с родственниками являются добровольными и необязательными, допускающими экстенсивный обмен вещами и услугами, но не нарушающими, однако,

---

³ По крайней мере, это относилось к "дамам", начиная с рыцарского периода.

оси преданности и любви, которая сейчас сдвинулась от *поколенных единокровных уз в сторону супружеских отношений*" (курсив мой - С. Г.) [29, с. 203 - 204].

Детализируя эту идею, английский социолог Э. Гидденс пишет: "<...> теперь, когда зачатие не только контролируемо, но осуществляется искусственно, сексуальность, наконец, стала полностью автономной. Освобожденная эротика стала свойством индивида и его взаимоотношений с другими лицами" [7, с. 25 - 26].

Подмеченные перемены роли эротических ценностей в деятельности агента затронули и славянские страны. Так, Д. Немировский, опросивший в 70-х годах XX столетия молодых людей Черновицкой области (Украина) по поводу их ориентации на возможность сексуальных практик до юридического оформления брачного союза, обнаружил, что около 44% мужчин и 34% женщин одобрили такого рода деятельность и соответственно 53% и 61% их осудили⁴ [21, с. 120]. Прошло несколько десятилетий, на Украине (в том числе и в Черновицкой области) двум тысячам супружеских пар, состоящим в браке несколько месяцев, задали аналогичный вопрос. Оказалось, что только 4% респондентов придерживались мнения о недопустимости юридически неоформленных сексуальных отношений и еще около 8% затруднились дать по этому поводу однозначный ответ. Большинство же молодежи (66% мужчин и 79% женщин) высказались "за" такие отношения при определенных условиях; а 22% мужей и 7% жен, больше того, посчитали такую практику *полезной* (курсив мой - С. Г.) для здоровья и хорошего самочувствия [18, с. 80]. Кстати, аналогичная тенденция установлена и в России. Значительная часть подростков, опрошенных в начале XXI века в Тульской области (61,6%), отметили, что перед регистрацией первого брака "надо пожить вместе (т.е. вступить в *cohabit*) год-два и проверить чувства" [1, с. 3].

Существенные сдвиги характеризуют процесс рождаемости. В частности, за последние десятилетия, как выборочные данные по разным регионам бывшего Союза, так и всероссийская статистика фиксируют довольно стабильный рост добрачных зачатий. Мой собственный анализ архивного материала Ленинградского дворца торжественной регистрации новорожденных "Малютка" с 1963 по 1978 годы выявил рост добрачных зачатий в полтора раза (с 24 до 38%).

Произошли не только изменения в ориентациях молодых людей на возможность предварительной сексуальной практики до оформления официальной регистрации брачного союза, но и переосмысление моральности "параллельных" супружеству эротических контактов (адаюльтера). Я, в частности, дважды (1969 и 1989 гг.) опросил в Ленинграде интеллектуалов⁵. Мужчин и женщин попросили проранжировать восемь факторов (в число которых входила и "сексуальность"), исходя из важности каждого из них для бесконфликтного протекания брачных отношений.

У мужчин в обеих совокупностях "физическая близость" разместилась на третьей ступени шкалы, а удельный вес в течение рассматриваемого промежутка времени практически оставался неизменным.

Иное положение дел у женщин. За два десятилетия роль сексуальности в супружестве у них возросла на 10%, фактор - "физическая близость" переместился на шкале приоритетов на третье место. Помимо того, выяснилось, что около 40% мужей (в обеих выборках) испытывали эротическое наслаждение (оргазм), среди жен в 1969 г. таких насчитывалось 30%, тогда как в 1989 г. уже 40%. За тот же период число "безразличных" и "неудовлетворенных" брачной сексуальностью уменьшилось в подвыборках: у мужчин почти вдвое, у женщин - в 2,5 раза. Наряду с количественными трансформациями были отмечены и качественные. Жены, как правило, не просто ждали эффекта от чувственного наслаждения (в отличие от плутарховой спартанки), а предпринимали

---

⁴ Выборкой охвачено 379 юношей и 585 девушек.

⁵ Т.е. людей с высшим образованием, продолжающих свое постдипломное обучение в медицинских и педагогических учреждениях, каждый раз по 250 человек, как коренных жителей, так и мигрантов, состоящих в браке в возрасте 24-40 лет.

активные действия, реализуя принцип "отдаваясь - брать". Появилось основание констатировать: в рамках брачного союза женщины стали интенсивнее мужчин усваивать ценности "материально-телесного низа" (М. Бахтин). Исходя из традиционного фемининного стереотипа, логично было бы ожидать, что рост значимости для женщин супружеского эротизма ужесточит их отношение к адюльтеру. Верна ли гипотеза?

В конце 60-х годов XX века 35% интеллектуалок оправдывали возможность "параллельных" сексуальных практик, 38% высказались амбивалентно и 27% их осудили. Через двадцать лет зафиксировано в принципе близкое соотношение ориентации: 36%, 33% и 31%. Некритическое восприятие представленного цифрового материала способно создать впечатление отсутствия корреляции между интенсификацией супружеского эротического наслаждения и веером вербальных предпочтений. Задумаемся над такими показателями: среди жен, получающих удовольствие от плотской близости с мужем, число оправдывающих адюльтер (за обсуждаемый промежуток времени) осталось неизменным, тогда как количество осуждающих возросло на 12 пунктов. Иначе обстоят дела у тех замужних женщин, которые индифферентны к такого рода отношениям - здесь число лиц, оправдывающих "параллельные" связи, возросло на треть.

Важно отметить и другое: если в первом опросе на реальность сексуальных контактов, помимо мужа указала треть женщин, то во втором - почти каждая вторая. Установлено рассогласование между аттитудами и актуальным поведением: в 1969 г. среди замужних женщин из числа оправдывающих адюльтер половина его практиковала, к 1989 г. таких уже насчитывалось более 70%. У осуждающих динамика такова: в первом случае - около 6%, состояли в "параллельных" сексуальных контактах, во втором - 25%.

Незначительные колебания в долях аттитудов сопровождались куда более радикальными переменами в актуальном поведении. Так, если в 1969 г. на наличие "параллельных" сексуальных практик указало менее 50% респондентов, то в 1989 г. - более 75%. Примечательно, что активизация таких практик зафиксирована как среди "оправдывающих" (62% против 94%), так и среди "осуждающих" (12% против 25%). Замечено, если количественные показатели женской нелегитимной эротики до сих пор достаточно разнятся от мужской, то темпы прироста, несомненно, близки. Конечно, это не означает, что "выравнивание" указанных практик где-то у горизонта.

До сих пор речь шла в основном об одном социальном слое - интеллектуалах. Во избежание возможных кривотолков по поводу предвзятости отбора эмпирического материала расширю его представительство за счет выборочных опросов, проведенных среди всех слоев населения Санкт-Петербурга (1998 г.) и Тулы (1999 г.). Не обнаружено значительных различий в эротических "параллельных" практиках интеллектуалов и других слоев городского населения. Ограничусь здесь несколькими принципиальными соображениями. В петербургской выборке из 479 человек, состоящих в браке, 41,5% мужчин и 24,5% женщин имели опыт адюльтера, в тульской выборке из 275 человек соответственно - 39% и 17,1%. Иерархия мотивов указанных практик у мужчин из обоих городов тождественна: "случайность", "страстное влечение", "соблазнение", "сексуальная неудовлетворенность женою", "новая любовь", "сострадание". Очередность мотивов у женщин сравниваемых городов заметно отличается. Совпадают лишь два побуждения: на третьем уровне расположилась "любовь", на следующем - "соблазнение". Из других побуждений особо выделю такие: у петербурженок (кстати, как и у мужчин) ведущий - "случай" (почти каждый третий мотив), у тулячек он замыкает шкалу (всего 13% ответивших); "сексуальная неудовлетворенность мужем" у тулячек расположилась на втором месте (подчеркнула каждая четвертая), тогда как петербурженки поставили ее на пятое место (при охвате 15%). Иными словами, если мотивации прелюбодеяния у петербургских мужчин и женщин в принципе совпадают (исключение - "любовь", на которую "слабый" пол ссылается в четыре раза чаще), то в Туле мы находим распределение по традиционному стереотипу: доля

"любви" и "страстного влечения" (гедонизм) у мужчин составляет 37%, а у женщин -50%, "соблазнение" и "случайность" у первых - 44%, у вторых - 26%.

Побудительные мотивы нелегитимной практики, по большей части коррелируют с типом партнера. А именно: если близость зиждется на "любовном чувстве", то партнерша/партнер обозначается как "любимая/У'ый", если на гедонизме - называется "подруга"/"друг", когда же контакт "случайный", партнерша/партнер - "малознакомая женщина/мужчина" или "проститутка/У'хаслер".

И наконец, о частоте сменяемости объекта. Оберегая свой приватный мир, респонденты с большой неохотой откликаются на вопрос о частоте сменяемости партнера по эротике: в Санкт-Петербурге 26% мужчин и 16% женщин и еще меньше в Туле, соответственно 21% и 11%⁶. Каковы же данные? Около 60% петербуржцев подтвердили наличие "параллельной" связи с 1 - 3 женщинами, почти каждый третий - от 4 до 10 и менее 10% указали на большее их число; до 90% петербурженок представлены в первой совокупности, около 8% - во второй и менее 3% - в третьей. В Туле показатели менее емкие, по результатам опроса они выглядят так: у мужчин - 78%, 18% и 4%; у женщин - 89%, 6% и 5% [см.: 10, с. 205 - 206].

Приведенная выше динамика показателей эротической и прокреативной деятельности, несомненно, высветила процесс, происходящий в современной моногамной семье, суть которого - *автономизация матримониального, сексуального и прокреативного поведения* (курсив наш - С. Г.).

Что следует из принципа автономии? С социологической точки зрения обнаруживается неоднозначность, ненавязчивость, гибкость нормативной системы. Действительно, предпочтительно, но необязательно вступать в брак, желательно иметь детей, но и бездетность не представляется аномальным состоянием⁷. Не воспринимаются маргиналами дети, рожденные вне института брака. Словом, современная нормативность, будучи общественным регулятором, в большей мере учитывает индивидуальное своеобразие человека, чем нормативность традиционная (жесткая).

* * *

Признание плюральности эротического ландшафта в современном мире вовсе не означает безоговорочного принятия всех его форм. Я имею в виду, в частности, так называемую "гомосексуальную семью" (и тем более брак). Попытаюсь несколько подробнее разъяснить свою позицию.

Среди апологетов этой идеи укажем, в первую очередь, на В. В. Солодникова, - о чем мне приходилось уже упоминать [см. N 1 "Социол. исслед.", 2008 г.], - читаем в его монографии: "Отношение к гомосексуальности и по сей день "остаётся неоднозначным". "С одной стороны, существуют различные психотерапевтические подходы,

---

⁶ Зная такую устойчивую позицию наших респондентов, мы скептически воспринимаем опросные данные по Санкт-Петербургу, полученные нашими финскими коллегами, которые не учитывают (да и не могут) специфику славянского этноса [см.: 28, с. 133 - 160].

⁷ Еще лет 30^40 тому назад некоторые демографы и социологи отличались когнитивной ригидностью. Не стану оценивать их с современных позиций - лишь только воспроизведу их мнения. Согласно московскому демографу Л. Е. Дарскому: "Можно спорить о наилучшем числе детей в семье, но бездетная семья есть явление патологическое с любой точки зрения" [13, с. 129]. А вот позиция ленинградского социолога В. Б. Голофаства: "По прошествии некоторого времени (после вступления в брак - С. Г.), если исчерпаны все допустимые возможности объяснения (учеба, отсутствие своего жилья и т.п.) бездетность становится предметом пристального оценивающего внимания и самих супругов, и родственников, и окружающих посторонних лиц. Наступает момент (раньше всего, видимо, для самих супругов), когда данное положение квалифицируется как ненормальное" [12, с. 65].

направленные на изменение половой ориентации гомосексуалов. Их последователи обычно считают гомосексуальность несовместимой со счастливой жизнью." (проще говоря, воспринимают этот феномен как вырождение - С. Г.) <...> С другой стороны, в США и ряде европейских стран издаются специальные журналы и проводятся исследования из прямо противоположных постулатов" (т.е. признают такую деятельность как нормальное явление - С. Г.). Мало того, В. В. Солодников подчеркивает, что и российское общественное мнение все больше начинает выражать озабоченность по поводу дискриминации сексуальных меньшинств.

Другой отечественный исследователь эротических проблем профессор И. С. Кон недавно опубликовал интересную, насыщенную данными опросов общественного мнения статью, положения которой я не вполне разделяю [см.: 17, с. 2 - 12]. В этой работе автор прослеживает отмену уголовного преследования гомосексуальности в Западной Европе со времен кодекса Наполеона (1810 г.). Я же так далеко в историю не буду заглядывать и начну свое повествование с рубежа XIX-XX веков, для чего обращусь к V Международному съезду криминальных антропологов (Амстердам, 1901 г.). На этом собрании с докладом "О положении уранитов в обществе" выступил итальянский врач Алетрино.

Прежде чем представить слово оратору, председательствующий подчеркнул, что бюро съезда просит представителей прессы, во избежание распространения "в большой публике" сведений об этом щекотливом вопросе, не публиковать в газетах отчетов о предстоящем выступлении.

По словам итальянского медика, урнинги не суть дегенераты и потому не должны причисляться к ненормальным людям. Задаваясь вопросом, почему перверсии внушают многим отвращение, докладчик предположил: скорее всего, одна из причин этого -общераспространенное, но ложное убеждение, будто бы *деторождение - единственная цель сексуальных отношений между лицами разного пола* (курсив мой - С. Г.). По убеждению итальянского врача, такой взгляд ошибочен и не выдерживает критики. Опираясь на данную гипотезу, докладчик обратился к научному сообществу с предложением признать за урнингами право на существование, наряду с прочими "нормальными" людьми.

Согласно свидетельству госпожи П. Тарновской, участвовавшей в заседании съезда, само выступление было встречено молчаливым недоумением. В целом все возражения делегатов сводились к тому, что урнинги люди *ненормальные* (курсив мой - С. Г.), с извращенным половым чувством, считающимся одним из признаков вырождения; а посему у всех *уравновешенных людей* (курсив мой - С. Г.) эти акторы могут вызвать лишь чувство гадливости и отвращения [см.: 26, N 11, с. 871 - 879; N 12, с. 925 - 933].

Итак, можно констатировать, что подавляющее большинство специалистов из числа криминальных антропологов Западной Европы к началу XX века не были готовы воспринять автономию сексуальности от прокреации. Проще говоря, они рассматривали гомосексуальность как патологию, т.е. вырождение.

Относительно большая толерантность к гомосексуалам (как к геям, так и лесбиянкам) отмечалась в дореволюционной России. Так, известный правовед В. Д. Набоков открыто обозначил свою позицию следующими словами: "<...> С точки зрения юридической, не только принципиально, но и практически, вопрос о наказуемости мужеложества добровольного, между взрослыми, - должен быть решен отрицательно" [20, с. 145].

Опираясь на анализ case study из медицинской и судебных практик, российский гинеколог Ипполит Тарновский замечал: "<...> существуют на свете женщины вполне нормальные во всех отношениях, однако наделенные природой необыкновенной склонностью к собственному полу" <...> Такое извращение "сексуального чувства" для самих этих женщин вполне естественно и не только вредно, но даже, напротив,

удовлетворяет их физиологическую потребность". Мало того, характеризуя "<...> активное лесбиянство как "природную аномалию", врач, в отличие от многих своих коллег - не идентифицировал ее с болезнью [27, с. 27]

В последующие годы (вплоть до начала 30-х годов) в медицинской и психологической литературе был распространен достаточно либеральный взгляд на все разновидности гомосексуализма (здесь уместно назвать И. Гельмана [6, с. 45], М. Рубинштейна [24, с. 75], П. Ганнушкина [5, с. 85 - 86].

И только в третьем десятилетии XX в. в нашей стране, наряду с другим тоталитарным государством - немецким, наступила черная полоса "нажима" со стороны правящих элит, воспринимающих несовместимость гомосексуальности и прокреативной деятельности, чем в конечном счете и объясняется введение репрессивной законодательной нормы. Более того, эту точку зрения восприняли как "руководящую" немалое число современных российских психиатров (И. Блюмин [3], Ю. Жуков [15], Я. Голанд [8, с. 473^86]), "до которых новые идеи - по словам того же И. С. Кона, доходят очень медленно". Эти сексопатологи "<...> не только не сомневались в том, что гомосексуальность - болезнь, но даже брались, как некоторые из американских коллег, осуществлять "перестройку личности" с помощью аутогенной тренировки" [17, с. 10]).

Наступила пора высказаться, в чем же суть моего несогласия с позицией И. С. Кона. Дело в том, что вся его работа выдержана в понятиях сексологии. Проще говоря, она убедительно показывает, что гомосексуализм не является вырождением, а потому ураниты (в том числе и лесбиянки) суть нормальные люди. Царящая здесь неопределенность и недосказанность многократно перекрывается в этико-социологической литературе. Я солидарен с мнением, высказанным в свое время американским социологом Н. Смелзером: "В Сан-Франциско, где издавна сложилось терпимое отношение к нетрадиционным образцам поведения, - отмечает он, - проживает множество гомосексуалистов, их примерно 100000 человек <...>. Сожительство гомосексуалистов, наверное, нельзя считать *нормальной семейной жизнью* (курсив мой - С. Г.) независимо от того, живут ли они врозь или вместе" [25, с. 390]. Действительно, долгое время часть специалистов полагала, что мир гомосексуалов и лесбиянок существует исключительно вне сферы семьи. Считалось, что гомосексуалам присущ "промискуитет", а посему их эротическая активность совершенно безлика. Так, по свидетельству российского автора Клейна: "В 1981 г. половина студентов-гомосексуалов за год сменила не менее пятерых партнеров, тогда как среди гетеросексуалов с такой скоростью меняли партнеров только 5%". Согласно тем же данным, в США среднее количество партнеров гомосексуалов за всю жизнь пятьдесят, тогда как у гетеросексуалов среднее количество партнерш четыре [16, с. 78].

Недавние исследования, проведенные в Соединенных Штатах, показали, что большинство лесбиянок состоят в стабильных практиках. В свою очередь, многие мужчины-геи также поддерживают постоянные отношения, даже если некоторые из них и имели сексуальные контакты с другими лицами вне основной связи [19, с. 100].

Итак, мы столкнулись с противоречивым мнением, по поводу сути гомосексуальных отношений. С одной стороны, это явление уподобляется "промискуитету", с другой - ассоциируется с "моногамией", иначе говоря, с проживанием с одним партнером на протяжении всей жизни.

Так в чем же смысл указанных практик? Высказывая свое отношение к тому или иному явлению (институту), требует от исследователя определения предмета анализа. Так что же в социологии понимается под институтом семьи? Я придерживаюсь следующей дефиниции: семья - это совокупность индивидов, состоящих, по меньшей мере, в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения, свойства. Доминирование одного из названных отношений и его характер (от крайней формы половозрастной зависимости до соответствующей автономии) могут служить критерием, определяющим исторический этап трансформации моногамии. Исходя из этой логи-

ки, мной были сконструированы следующие идеальные (по Веберу) типы семьи: патриархальный (или традиционный), детоцентристский (или современный), супружеский (или постсовременный). Гомосексуальные же связи, разумеется, не опираются на "кровное родство" и "порождение"; что же касается "свойства", то и наличие последнего сомнительно, хотя здесь при большом желании можно "присмыслить" "интимность" в отношениях между партнерами.

Определим и другой институт - брак. Брак - это исторически разнообразные механизмы социальной регуляции (табу, обычаи, традиции, религия, право, нравственность) *сексуальных отношений между мужчиной и женщиной* (курсив мой - С. Г.), направленные на поддержание непрерывности жизни. Поэтому большинство специалистов как будто бы признают два положения:

1. социальную регуляцию сексуальных отношений между мужчиной и женщиной;
2. направленность этой деятельности на деторождение. Отсюда брак - это социальный институт, регулирующий деторождение, а сексуальность - это волеизъявление (приватное) индивидов, которое сводится в лучшем случае к *компаньонству* (курсив мой - С. Г.).

Как выяснилось в частном общении по электронной почте, с нашим бывшим научным сотрудником Л. Кузнецовой (ФРГ), в 2004 г. апелляционный суд Южно-Африканской Республики взял на себя "божественную" функцию по уточнению определения брака. Вместо "сексуальный союз между мужчиной и женщиной" теперь новая редакция звучит следующим образом: "сексуальный союз между двумя людьми".

В странах Европы, право же, отмечаются более скромные изменения, так, во Франции, начиная с 1999 г. гомосексуальные отношения определяются как "брак с меньшими правами" или другое наименование - "зарегистрированное партнерство", так обозначаются эти взаимоотношения в Дании (с 1989 г.), в Норвегии (с 1993 г.), Швеции (с 1995 г.), в Нидерландах (с 1998 г.).

Что можно сказать относительно интереса к гомосексуальности в России? Легко провозгласить Россию особой страной, изолированной от глобальных процессов, происходящих в области семейной и эротической практики. Это так и не так. И здесь в среде молодого поколения, в частности, среди студенчества, интерес к обозначенным проблемам в последнее время значительно возрос. С одной стороны, медики-сексологи, наконец, стали осознавать, что гомосексуальность не болезнь. С другой - для социологов стал понятен интерес молодого поколения к этому необычному, недостаточно прозрачному феномену.

Мне лично пришлось столкнуться с откровенным любопытством относительно "однополой любви" среди студентов на спецкурсе по "Социологии сексуальности", читаемом на социологическом факультете СПбГУ. Нескрываемый вуйеризм проявлялся на семинарах, зачете, в курсовых и дипломных работах. Но самое важное для преподавателя - показать недозволенность: во-первых, смешивать исторические разновидности моногамной семьи как социального института с гомосексуальностью (или так называемой однополой "любовью"), которая может, на первый взгляд, даже восприниматься как "интимность" ("сердечность") между двумя субъектами. Во-вторых, понимая необходимость и неизбежность расширения диапазона эротической толерантности, в то же время ни в коем случае нельзя подменять институты брака и семьи другими новообразованиями типа - "семейноподобными союзами" или "партнерствами", даже при условии их зарегистрированности государственными или церковными учреждениями. Мне это, в принципе, напоминает противоречивый радиослоган: "Любви все возрасты покорны", для этого применяйте "Импазу". Сексуальность, которая увеличивает свою энергию благодаря приему возбуждающих средств, нельзя отождествлять с любовью, ибо первая - принадлежность животного мира, вторая - ассоциируется с чисто личностной характеристикой человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архангельский В. И., Антонова О. И., Никитина С. Ю.* Основные результаты пилотажного обследования "Семья и рождаемость" // Вопросы статистики, 2006, N 10.
2. *Бовуар С. де.* Второй пол / Пер. с фр., общ. ред. и вступление *СТ. Айвазова.* М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997.
3. *Блюмин И.* О некоторых функциональных признаках гомосексуализма // Вопросы сексопатологии. М.: Московский НИИ психиатрии, 1969.
4. *Волков А. Г.* Семья - объект демографии. М.: Мысль, 1986.
5. *Ганнушкин П.* Сладострастие, жестокость и религия // Избр. труды. М.: Медицина, 1964.
6. *Гельман И.* Половая жизнь современной молодежи: опыт социально-биологического исследования. М.; Пг.: Гос. из-во, 1925.
7. *Giddens A.* The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Stanford: Stanford Univ. Press, 1992.
8. *Голанд Я.* О ступенчатом построении психотерапии при мужском гомосексуализме // Вопросы сексопатологии. М.: Московский НИИ психиатрии, 1972.
9. *Голод С. И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя, 1996.
10. *Голод С. И.* Что было пороками, стало нравами: Лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005.
11. *Голод С. И.* Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социол. исслед., 2008, N1.
12. *Голофаст В. Б.* О взаимосвязи подходов в изучении семьи // Социологические проблемы семьи и молодежи. Л.: Наука, 1972.
13. *Царский Л. Е.* Формирование семьи. М.: Статистика, 1972.
14. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана; прим. В. В. Сапова. М.: Канон, 1996 (Введение ко второму изд.).
15. *Жуков Ю.* К вопросу о гомосексуализме у больных алкоголизмом // Вопросы сексопатологии. М.: Московский НИИ психиатрии, 1969.
16. *Клейн Л.* Другая любовь. Природа человека и гомосексуальность. СПб.: Фолио-пресс. 2000.
17. *Кон И. С.* О нормализации гомосексуальности // Сексология и сексопатология. 2003. N 2.
18. *Медина Т.* Сексуальная функция молодой украинской семьи: Социологический аспект // Социология: теория, методы, маркетинг. 2000. N 2.
19. *Меддок Дж. У.* Семейная жизнь и сексуальность // Семья на пороге третьего тысячелетия. М.: ИС РАН и Центр общечеловеческих ценностей, 1995.
20. *Набоков В.* Плотские преступления по проекту уголовного уложения // Сборник статей по уголовному праву. СПб.: Типография товарищества "Общественная польза", 1904.
21. *Немировский Д.* Об отношении молодежи к добрачной половой жизни // Социол. исслед. 1982, N 1.
22. *Плутарх.* Сочинения / Пер. с древнегреч., сост. С. С. Аверинцев; вступ. статья А. Ф. Лосева. М.: Худож. лит., 1983.
23. *Пушкареев Н. Л.* Семья, женщина, сексуальная этика в православии и католицизме: Перспективы сравнительного подхода // Этнографическое обозрение, 1995. N 3.
24. *Рубинштейн М.* Юность. М., 1928.
25. *Смелзер Н.* Социология / Пер. с англ., науч. ред. В. А. Ядов. М.: Феникс, 1994.
26. *Тарновская П.* V-й международный съезд криминальных антропологов (Амстердам, 9 - 14 сентября 1901) // Обзор психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. 1901, N 11 - 12.
27. *Тарновский Ин.* Извращение полового чувства у женщин. СПб.: Тип. Худякова, 1895.
28. *Naavio-Mannila E., Rotkirch A.* Generational and Gender Differences of Sexual Life in St. Petersburg and Urban Finland // Yearbook of Population Research of Finland. XXXIV, 1997.
29. *Хилл Р.* Семейные решения и социальная политика: социологический аспект // Изменение положения женщин и семья (XII международный семинар по исследованию семьи). М.: Наука, 1977.
30. *Шишков С. С.* Исторические судьбы женщин, детоубийство и проституция. В 2-х томах. СПб.: Изд. Шигина, 1898, т. 1.